

ЛОТМАНЫ
СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА
1940–1946

BIBLIOTHECA LOTMANIANA

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

И. З. БЕЛОБРОВЦЕВА (Таллиннский университет)

Т. Д. КУЗОВКИНА (Таллиннский университет)

Калеви КУЛЛЬ (Тартуский университет)

М. Ю. ЛОТМАН (Таллиннский университет – Тартуский университет)

И. А. ПИЛЬЩИКОВ (Таллиннский университет – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

Рейн РАУД (Таллиннский университет – Хельсинкский университет)

Мерит РИКБЕРГ (Таллиннский университет)

Пеэтер ТОРОП (Тартуский университет)

Б. А. УСПЕНСКИЙ (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва – Университет «L'Orientale», Неаполь)

Таллиннский университет
Институт гуманитарных наук
Лотмановский архив

ЛОТМАНЫ

СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА 1940–1946

Составление, подготовка текста,
предисловие и комментарии
Т. Д. Кузовкиной, Л. Э. Найдич,
Н. Ю. Образцовой
при участии Г. Г. Суперфина

Издательство ТЛУ
Таллинн 2022

Bibliotheca LOTMANIANA

Bibliotheca Lotmaniana

Лотманы: Семейная переписка 1940–1946

Издание подготовлено при поддержке Эстонского научного агентства по науке (Eesti Teadusagentuur, проект PUT1366) и Исследовательского фонда Института гуманитарных наук Таллиннского университета (TÜNI Uringufond, проект 2_HTF00)

Редакторы: Д. В. Дорвинг, Д. Э. Кузовкин, Т. Д. Кузовкина

Корректор: Н. В. Мальцева-Замковая

Технический редактор: Сирье Ратсо

© Т. Д. Кузовкина, Л. Э. Найдич, Н. Ю. Образцова,
составление, комментарии, 2021

© Д. Э. Кузовкин, комментарии, приложения, 2021

© Авторы статей, 2021

© А. Э. Лотман, Л. Э. Найдич (тексты А. С., В. М. и Л. М. Лотман), 2021

© Н. Ю. Образцова (тексты В. М. и И. М. Образцовой), 2021

© Таллиннский университет (тексты Ю. М. Лотмана), 2021

© М. В. Осорина (тексты О. Н. Гречиной), 2021

© Н. А. Резниченко (текст А. Н. Резниченко), 2021

© Издательство Таллиннского университета, 2021

ISSN 1736-9185

ISBN 978-9985-58-919-9

TLU Kirjastus

Narva mnt 29

10120 Tallinn

www.tlupress.com

Отпечатано в типографии Printon

Лотманы. Вторая половина 1930-х годов. SV

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
Лотманы. Биографические сведения.....	37
СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА	45
1940	47
1941.....	71
1942	95
1943	118
1944	185
1945	303
1946	423
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУГИМИ ЛИЦАМИ (1941–1946)	503
ДОКУМЕНТЫ	545
Из личного дела студента Б. Д. Лахмана	547
Характеристика воспитателя Ленинградского детского дома Л. М. Лотман.....	550
Из личного дела студента Ю. М. Лотмана.....	552
Автобиография В. М. Лотман.....	556
ВОСПОМИНАНИЯ.....	559
<i>Ю. М. Лотман. О войне рассказывать очень трудно...</i>	561
<i>Л. Н. Киселева. Рассказы Ю. М. Лотмана о войне.....</i>	563
<i>Л. Э. Найдич. История одной дарственной надписи</i>	568
<i>М. Ю. Лотман. Отец о войне</i>	573
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	609
Литература.....	611
Издания и публикации, упомянутые участниками переписки.....	619

Список сокращений	628
Указатель географических названий	631
Аннотированный указатель имен и названий	640

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

В книге представлены 356 писем семьи Лотманов 1940–1946 годов. Это все письма, обнаруженные на сегодняшний день. Из них 329 публикуются впервые. Основные участники переписки: Юрий Михайлович Лотман – литературовед, семиотик, профессор Тартуского университета и его сестры: Инна² Михайловна Образцова – музыкальный педагог, композитор и музыковед; Лидия Михайловна Лотман – литературовед, исследователь русской литературы XIX века, сотрудница Пушкинского дома; Виктория Михайловна Лотман (в семейном кругу – Ляля) – врач-кардиолог.

Родители, выходцы из Одессы, – петербуржцы в первом поколении. По сохранившимся документам, в столице они оказались, по-видимому, не позднее 1909 года. Здесь получили свое профессиональное образование. Михаил Львович стал юристом, специалистом по авторскому праву, работал адвокатом³, затем юрисконсультom в различных издательствах; Александра Самойловна – зубным врачом (см. подробнее раздел «Лотманы. Биографические сведения»).

В Петербурге Лотманы сначала жили на Мытнинской улице, затем – на Старо-Невском проспекте, а с июля 1923 года занимали

¹ Работа над предисловием велась при поддержке Эстонского агентства по науке (грант PUT1366) и Исследовательского фонда Института гуманитарных исследований Таллиннского университета (TÜNI Uringufond, проект 2_NTFOO).

² Инна Михайловна с детства писала свое имя через одну букву 'н'. Она считала, что оно – аббревиатура, которая раскрывается как «ИНтернационал Анархистов». Когда она сообщила о своем «открытии» отцу, тот потребовал, чтобы она ни с кем никогда этим «открытием» не делилась. Она и не говорила, но настаивала, чтобы ее имя писалось через одну букву 'н'. (В переписке встречается лишь один случай ее подписи с удвоением буквы 'н' в своем имени; см. письмо № 192).

³ См. в воспоминаниях Ю. М. Лотмана: «Отец мой был талантливым и известным в Петрограде, а потом и в Ленинграде, адвокатом, но в самом конце 20-х годов, убедившись, что он не может защитить своих подзащитных (дело шло о людях, которых выселяли из Ленинграда), он навсегда отказался от частной практики <...>» (Лотман 1993: 1).

большую квартиру в доме № 18 по Невскому проспекту⁴. В период «уплотнений», благодаря усилиям Михаила Львовича, добровольно отказавшегося от части жилплощади, квартиру удалось сохранить как отдельную. Дом был известен в истории Петербурга как один из самых старых доходных домов; в XIX веке в нем располагалась кондитерская Вольфа и Беранже, где собирались литераторы. Отсюда отправился на свою последнюю дуэль Пушкин.

Духовный мир этой интеллигентной еврейской семьи можно представить по «Воспоминаниям» Лидии Михайловны: совместные чтения вслух (читали русскую и мировую классику), прогулки по Ленинграду с отцом, всегда радостные посещения музеев и театров (см. Л. Лотман 1995: 128–133). Михаил Львович хотел стать архитектором и в юности изучал архитектуру. Окончив юридический факультет Петербургского университета, он два года проучился на математическом; был человеком большой эрудиции, знатоком литературы и искусства. Ю. М. Лотман в «Не-мемуарах» вспоминал о подаренном отцом двенадцатитомнике Достоевского: «У нас в семье детям дарили только книги. На это денег ни при каких обстоятельствах не жалели» (Лотман 1995: 8). Инна, Лидия, Виктория и Юрий учились в одной из лучших школ города – «Петришуле»⁵, в которой до 1928 года уроки шли на немецком языке. С домашними учителями занимались музыкой, немецким языком, какое-то время английским, много рисовали, выпускали рукописный журнал «Маленький ученый», часто слушали музыку.

Лидия Михайловна так описывала семейный взгляд на окружающее:

<...> где-то в глубине души у нас постоянно присутствовала стихийная вера в человека и в то, что нас окружают добрые люди, которые создали все хорошее вокруг нас, все, что мы любили: Эрмитаж, Русский музей (который наш папа называл музеем Александра III), филармонию, мосты через Неву, Невский проспект и кино «Светлая лента» против нашего дома. Конечно, не всегда

⁴ С ноября 1918 по январь 1944 года – «Проспект 25 Октября».

⁵ Лотманы употребляли название «Петершуле».

*Александра
Самойловна и
Михаил Львович.
Санкт-Петербург.
Май 1912 года. Архив
Н. Ю. Образцовой*

подобное мировоззрение соответствовало общему настроению. Может быть, этот скрытый оптимизм придавал нашим представлениям об окружающем некоторую долю своеобразия. У нас был свой, семейный, взгляд на законы человеческих отношений. Признаки сохранения этих основ человеческой жизни мы постоянно замечали в общении с людьми (Л. Лотман 2007: 12).

Юрий Михайлович вспоминал: «У нас была хорошая семья и хорошее детство...» (Лотман 1993: 1). Однако предвоенное время осталось в воспоминаниях более радостным, чем оно было на самом деле. Хотя репрессии не коснулись непосредственно семьи, но прошли очень близко. Были арестованы оба мужа старшей сестры Александры Самойловны – Марии Самойловны Бойтман. Первый муж – Александр Григорьевич Лебит – в Москве в 1937

году, второй – Готфрид Замуэльевич Бойтман – в июле 1938 года (расстрелян в Ленинграде 10 октября 1938 года). Трагически сложилась и судьба старшего сына Марии Самойловны – Давида, впервые арестованного в 1928 году и повторно – в 1937 году. Тогда же был расстрелян известный востоковед Дмитрий Матвеевич Позднеев, отец школьной подруги Инны Михайловны – Софьи Дмитриевны Позднеевой, в 1938 году – один из ее братьев; пострадали и другие члены их семьи. В 1937 году был повторно арестован отец Бориса Лахмана, ближайшего школьного друга Юрия Михайловича, выслана из Ленинграда его мать (см. автобиографию Бориса Лахмана в разделе «Документы»). Репрессированы были и другие близкие и знакомые.

К осени 1940 года Инна Михайловна, окончив композиторское отделение Ленинградской консерватории по классу Б. В. Асафьева, уже несколько лет преподавала во Дворце пионеров. Виктория Михайловна была студенткой Первого Ленинградского медицинского института. Лидия Михайловна, окончив русское отделение филологического факультета Ленинградского университета, поступила в аспирантуру Пушкинского дома. Юрий Михайлович, пошедший по ее стопам, учился на втором курсе филфака. Об этом времени он вспоминал как о счастливейшем:

Введение в литературоведение читал Гуковский, введение в языкознание – Александр Павлович Рифтин, крупнейший специалист в области семито-хамитской филологии. Оба читали блестяще. В университете все для меня было сказочно прекрасно. <...> На первом курсе я увлекся фольклором, ходил на дополнительные занятия Марка Константиновича Азадовского и сделал очень удачный доклад на семинаре Владимира Яковлевича Проппа. <...> Доклад посвящен был теме «Бой отца с сыном в русском фольклоре» (с параллелями в немецком фольклоре) (Лотман 1995: 8).

Устный отзыв Проппа – «прекрасный доклад, отличный доклад» – Лидия Михайловна передала в письме к брату в 1945 году (см. письмо № 261). Запомнилось ей и то, как Григорий Александрович Гуковский, сетуя на отсутствие ученого, «который смог бы

достаточно глубоко анализировать творчество Баратынского», вспомнил о Лотмане: «Впрочем, на экзамене мне отвечал мальчик – разбирал „Осень“ Баратынского – он, пожалуй, сможет» (Л. Лотман 2007: 63)⁶.

Юрий Михайлович много лет спустя вспоминал:

Университетская счастливая идиллия развивалась на фоне отнюдь не идиллических событий. Последние месяцы пребывания в университете совпали с финской войной. Ленинград был завален ранеными. Мы ходили после лекций – а лекции проводились не на филфаке, так как были трудности с топливом и университет замерзал, – не только в Публичную библиотеку, но и в больницу – помогали раненым (Лотман 1993: 7).

В октябре 1940 года в университетских занятиях Юрия Михайловича наступил вынужденный перерыв: он был призван в армию. Уже в дороге, через несколько часов после прощания, со станции Бологое он послал первую открытку домой (см. письмо № 1). Начавшаяся переписка продлилась до 20 ноября 1946 года, вместив в себя не только годы войны, но и еще полтора года срочной службы, которые ему пришлось провести в советской оккупационной зоне Германии.

Сохранилось 30 писем, посланных Юрием Михайловичем родителям и сестрам с дороги и из воинской части в Кутаиси. В них – путевые заметки, сценки восточного базара, подробности армейского быта, фольклорные записи (на украинском языке), портреты сослуживцев, впечатления от прочитанных книг и увиденных фильмов. Предвоенную переписку завершает письмо от 24 мая 1941 года из полевого лагеря под Винницей, куда был передислоцирован сформированный на территории Грузии 437-й Корпусный Артиллерийский полк Резерва Главного Командования. 19 июня 1941 года, за три дня до вторжения немецких войск на территорию СССР, полк начал движение к прежней (до 17 сентября 1939 года) границе «в точном соответствии с учебным планом, на

⁶ О стихотворении «Осень» – по мнению Ю. М., центральном в творчестве поэта – см.: Лотман 1972: 97–99 и 1994б: 394–406.

новый этап боевой подготовки». То, что это передвижение не было учебным, все поняли после предупреждения комиссара: «Кто будет ночью курить – расстрел на месте» (Лотман 1995: 12).

С этим полком Ю. М. Лотман прошел всю войну. Он был награжден боевыми орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу»⁷, «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и отмечен пятнадцатью «Благодарностями от Верховного Главнокомандующего» за участие в боевых действиях⁸; закончил войну в звании гвардии старшего сержанта и в должности командира отделения связи⁹.

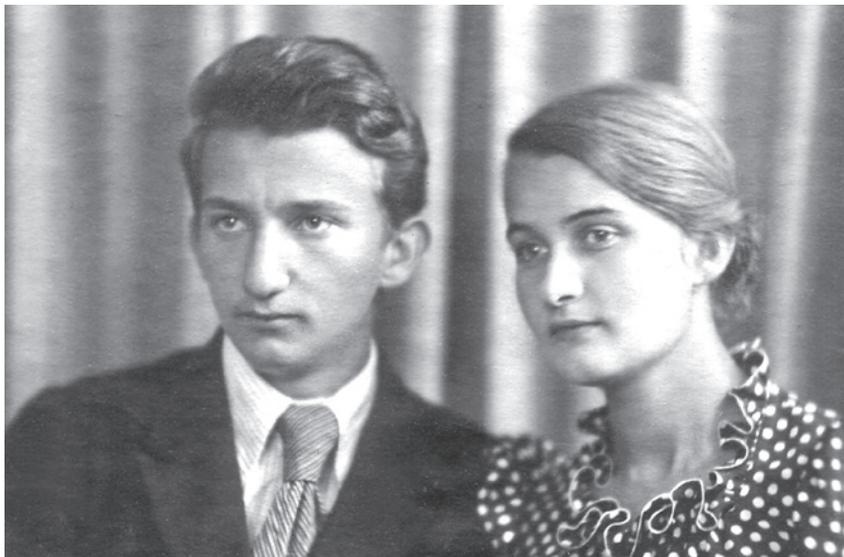
С июня 1941 года по апрель 1942-го полк находился на Южном фронте. До декабря 1941 года он входил в состав 18-ой армии и в первые два месяца вел тяжелые оборонительные бои, а в начале октября 1941 года вместе с частью армии попал в окружение в районе поселка Черниговка Запорожской области Украины. Эти события в наградном листе командира полка К. А. Дольста описаны следующим образом:

<...> полк хорошо дрался в боях у Могилев-Подольска, где его батареи часто встречали врага в упор, ведя бой без пехоты. Особенно его полк, не имея к этому времени большинства средств связи, отважно дрался в районе Томашполя и Крыжополя <...>. В этих боях зачастую танки встречались огнем прямой наводки 152 мм пушками. В ряде боев, особенно при выходе корпуса из кружения, полк дрался в пешем строю и огнем батарей. Не выходя из боев на протяжении двух месяцев войны, он сохранил

⁷ По сведениям В. И. Тумаркина, командир дивизиона представил Ю. М. в октябре 1944 года к награждению орденом Красной Звезды, но в приказе о награждении, подписанном командиром бригады, орден был заменен на медаль.

⁸ Двенадцать из них хранятся в Лотмановском архиве Таллиннского университета (далее – SV).

⁹ В карточке воинского учета отмечено, что звание младшего лейтенанта Ю. М. Лотману присвоено 2 июня 1950 года (по окончании ЛГУ); звание лейтенанта – в 1967 году; старшего лейтенанта (слово «запаса» отсутствует) – в 1972 году (сведения присланы В. И. Тумаркиным).

Юрий Михайлович и Лидия Михайловна. Ленинград. Конец августа 1940 года. Экземпляр в архиве Н. Ю. Образцовой с надписью на обороте, сделанной за день до отправки Ю. М. в армию: «Руссо изумлялся, почему ему в молодости попадалось столько хороших людей и все так хорошо к нему относились. 21-X-40. Ю. Лотман»¹⁰

12 орудий, остальные, за исключением двух, выбыли из строя разбитыми артогнем и пикирующими самолетами. Личный состав полка вышел за Днепр, имея естественные потери. В основном полк сохранился <...>¹¹.

Юрий Михайлович попал туда, «где казалось страшнее всего», и считал, что ему очень повезло, так как «лучший способ избавиться от страха – это погрузиться в то, что этот страх вызывает» (Лотман 1995: 17):

¹⁰ Отсутствие ссылки на архив здесь и далее означает, что отпечатки фотографий хранятся в нескольких местах: в архиве Н. Ю. Образцовой, в архиве Л. Э. Найдич, в SV и/или в фонде Л. М. Лотман в ИРЛИ.

¹¹ Наградной лист от 27 ноября 1941 года. Здесь и далее наградные документы цитируются по сайту Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

Фактически окружением назвать это было нельзя. Как слоеный пирог нельзя назвать кренделем. Это было подвижное состояние перепутанных между собою армий, которые все время стремились образовать нечто, что можно было назвать словом из военного учебника – «фронт». Постепенно возобладал совсем другой, не предусмотренный военной теорией принцип: те, кто обладали большей скоростью передвижения, оказывались впереди (так, например, штабы, автомобильные колонны, снабжение и танки оказались дальше всего в тылу), часто совершенно теряя связь с разбросанными воюющими частями. А пехота и артиллерия оставались позади (Лотман 1995: 15).

В ноябре 1941 года полк участвовал в Ростовской наступательной операции. Затем – тяжелые бои зимы и начала весны 1942 года. Затем – отступление к Дону и переправа через него (см. Лотман 1995: 18–21). За время этого отступления полк понес огромные людские потери и «потери в технике» (из 36 орудий осталось 9), но сохранился как воинское формирование. Полк пользовался хорошей репутацией, и его перебрасывали с одного участка фронта на другой. В апреле 1942 года полк был преобразован в 68-й Гвардейский Краснознаменный Армейский Пушечный. После пополнения его направили на Северный Кавказ (Чечено-Ингушетия, район Моздока) (см. Лотман 1995: 21). С октября 1942 года по май 1943 года он входил в состав 9-ой армии. В октябре 1942 года полком было

<...> уничтожено 14 орудий и подавлено 33 батареи противника, уничтожено 2 средних танка и отбито 3 атаки танков и пехоты пр<отивни>ка, рассеяно до 4-х батальонов пехоты противника, уничтожено 2 склада боеприпасов, 4 блиндажа, 16 автомашин противника¹².

В феврале 1944 года Ю. М. Лотман был представлен к своей первой награде – медали «За боевые заслуги» (которую он считал одной из основных своих наград):

¹² Из описания подвига в наградном листе К. А. Дольста от 31 января 1943 года. Дольст был представлен к Ордену Красной Звезды.

<...> за то, что в наступательном бою в р<айо>не с<о>вх<о>за Кубрисострой (На Кубани) в марте месяце 1943 года под сильным артиллерийским огнем противника держал непрерывную связь наблюдательного пункта с огневыми позициями. В этом бою тов. Лотман, рискуя жизнью, лично три раза восстанавливал перебитую линию связи. Будучи оглушен разрывом снаряда, продолжал оставаться на линии, благодаря чему на протяжении всего боя было обеспечено бесперебойное управление огнем батареи. Во время исправления линии в этом же бою задержал крупного немецкого шпиона¹³.

С января по май 1943 года полк вел бои в «трудном горном районе по Терскому и Сунженскому хребтам»¹⁴, около года занимал оборону на Тереке, а затем участвовал в наступательных боях на Кавказе и в Крыму.

С октября 1943 до июня 1944 года полк находился в составе Четвертого Украинского фронта, который вел наступление на Правобережной Украине. 18 июня 1944 года полк вошел в сформированную 38-ую Гвардейскую Пушечную Артиллерийскую Калинковичскую дважды Краснознаменную орденов Суворова и Кутузова бригаду, которая сражалась в составе Первого Белорусского фронта в западной Белоруссии. 14 июля 1944 года за «овладение Пинском» личный состав бригады получил первую «Благодарность от Верховного Главнокомандующего».

В августе 1944 года из Белоруссии бригаду перебросили в направлении Финляндии. Но после того, как наступление на Финляндию (после начала с ней мирных переговоров) было приостановлено, бригаду перевели в распоряжение командования Первого Прибалтийского фронта. Вместе с бригадой Лотман участвовал в продолжительных боях под Валгой, Ригой и Тукумсом (13 октября – «Благодарность» за «овладение Ригой»). В конце декабря 1944 года полк был переброшен на территорию Польши

¹³ В ответе на наш запрос в Центральный архив ФСБ (август 2020) сообщается, что сведениями об этом факте архив не располагает.

¹⁴ См. приказ о награждении К. А. Дольста вторым Орденом Красной Звезды от 4 июля 1943 года.

(16 января 1945 года – «Благодарность» за боевые действия «при прорыве сильной, глубоко эшелонированной обороны противника на западном берегу Вислы южнее Варшавы»; 17 января – за «овладение Варшавой»; 18 января – за Сохачев, Скерневице и Лович; 19 января – за Лодзь, Кутно, Томашев, Гостынин и Ленчицу; 23 января – за Быдгощ). В конце января полк вступил в немецкую часть Померании (29 января – «Благодарности» за овладение городами Шенланке, Лукатц Крейц, Вольденберг и Дризен). За военные операции на Востоке Германии Лотман был награжден Орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа от 4 мая 1945 года:

Тов. Лотман Ю. М. в боях от Одера до Эльбы своевременно обеспечивал четкую и бесперебойную связь. В бою за Эберсвальде на канале Гогерцолленн¹⁵ <так! – Ред.> противник перешел в контратаку, обстрелом повредил линию связи. Тов. Лотман вышел на линию и, находясь в 700 м. от противника, восстановил линию, а дивизион отразил контратаку противника.

Стремясь ликвидировать наш плацдарм на зап. берегу канала, противник часто контратаковал. Все время тов. Лотман дежурил на линии и устранил до 21 порыва линии под обстрелом противника.

Итак, боевой путь Юрия Михайловича шел от Днестра через Ростов-на-Дону, Кавказ, Крым, Западную Украину в Белоруссию, потом в Прибалтику, Польшу и закончился в Восточной Германии¹⁶. Для полка война закончилась 5 мая на Эльбе¹⁷.

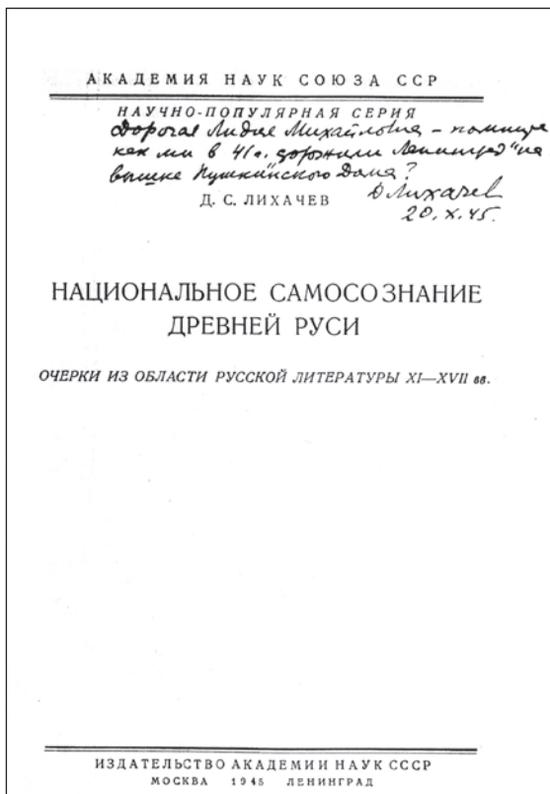
Остальные члены семьи в начале войны находились в Ленинграде. Михаил Львович категорически отказался уезжать в эвакуацию. Как и многие ленинградцы, Лотманы не сделали запасов

¹⁵ Город Эберсвальде находится в федеративной земле Бранденбург (в нацистское время входил в территориальную единицу Гау Марка Бранденбурга), в 50-ти километрах к северо-востоку от Берлина. Канал Гогенцоллерн протекает на севере города. Город был одним из центров оборонной промышленности; там находились также концлагеря.

¹⁶ См. в «Не-мемуарах»: «Я знаю войну в таких ее лицах: в 41-м и 42-м годах на Южном фронте, в 43-м на Южном и Юго-западном, затем на Западном, а в период наступления – на Прибалтийском, в Польше и Германии» (Лотман 1995: 26–27).

¹⁷ См. интервью с Ю. М. Лотманом: Lotman 1975.

Инскрипт рукой
Д. С. Лихачева:
«Дорогая Лидия
Михайловна –
помните, как мы
в 41 г. „сторожили
Ленинград” на вышке
Пушкинского Дома?
Д. Лихачев. 20. X. 45.»
Архив Л. Э. Найдич

продуктов и не имели каких-либо льгот. Лидия Михайловна с начала бомбежек вместе с коллегами дежурила на крыше Пушкинского дома, работала в госпитале, затем – воспитателем в детском доме. Инна Михайловна дважды была мобилизована на рытье окопов, потом – прикомандирована к эвакуационному пункту, работала при кинотеатре педагогом (сопровождала зрителей в бомбоубежище, поддерживала и ободряла их), выезжала с артистической бригадой на передовую, выступала в госпиталях перед ранеными. В голодное время конца 1941 – начала 1942 года она сдавала кровь. Полученные продукты (паек донора) приносила домой, чтобы спасти семью. Донорство пришлось оставить из-за ее полного истощения. Виктория Михайловна работала педиатром в поликлинике. По вызовам больных посещала за день до 35 квартир. Иногда, войдя в квартиру, не заставала никого в живых. В бумагах Инны Михайловны со-

Надпись на обороте:

*«Дорогому милому папочке
от Инны. 20/VII-41 г.»*

Архив Н. Ю. Образцовой

хранилась запись: «Ляля шла по темным, неосвещенным лестницам ощупью. Были случаи: толкала дверь, а там провал. Вызов послали, а потом дом разбомбило и все рухнуло, еще шаг и провалишься, и не вытащат» (Архив Н. Ю. Образцовой).

Поздней осенью 1941 года Михаил Львович, возвращаясь с работы, упал на улице от слабости, не смог подняться и пролежал довольно долго. По счастливой случайности его заметили знакомые и привели домой. Больше он уже не вставал. 2 марта 1942 года он умер от воспаления легких. 22 июня 1942 года Лидия Михайловна с детским домом, в котором она тогда работала, эвакуировалась в Куйбышевскую область, в село Кошки. В 1943 году Виктория Михайловна была призвана в армию на Ленинградский фронт. В конце июля

1943 года Лидию Михайловну вызвали из Кошек в Казань (куда был эвакуирован Пушкинский дом) для продолжения занятий в аспирантуре. В августе 1944 года она вместе с институтом вернулась в Ленинград. Александра Самойловна и Инна Михайловна не уезжали из города и пережили блокаду от начала до конца. Все это время продолжалась семейная переписка.

Темы писем разнообразны, но о самом трагическом и трудном умалчивается. Так, сестры не стали сообщать брату о смерти отца – просто перестали упоминать о нем. Нет в письмах и жалоб на болезни и бытовые трудности. Для Юрия Михайловича типичны следующие фразы: «Я жив, здоров и чувствую себя отлично» (20 ноября 1943, письмо № 79), «Я живу безо всяких изменений. „Читаю мало, много сплю“ и т. д.» (29 августа 1944, письмо № 166). Военный быт описывался даже как не лишенный комфорта: «Однако мы уже окопались в уютном, правда, низковатом блиндаже, при двойном свете печки и коптилки не особенно горюем. Некто, сидящий справа, играет на гитаре, а прочие (и я в том числе) поют на разные – весьма страшные – голоса» (1 декабря 1944, письмо № 188).